

для ДЯМЪ

КНИГОПРОДАВЕЦЪ—ИЗДАТЕЛЬ ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

ЗА ТРОНЪ И ЖИЗНЬ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ГОЛАДЪ.

I.

Въ домѣ контрабандиста.

Темная и бурная ночь покрывала пустынную, обширную равнину Ромней-Мора, занимающую часть графства Кентского, что близъ Суэссеса. Съ моря дулъ вѣтеръ съ ужасною силой, вскипавшая ибнѣшняя волна на берегъ и на дикую суму; осыпал, ели и дубы большаго лѣсова стояли и гнались подъ натискомъ шторма, который, съ ревномъ, пронёсся далѣе, внутрь страны, возмущая стоящую воду болотомъ, съ яростно играя флюгерами домовъ и неся передъ собою большой столбъ сорванныхъ листьевъ.

Надъ Моромъ въ это время, какъ и всегда, разстилался густой туманъ, парѣла раступавшаяся подъ напоромъ вѣтра и искоры своимъ смыкавшимся. Когда густые облака тумана немного расходились, то не далеко отъ будущаго моря можно было разглядѣть небольшое селеніе, съ слабо освѣщенными домами.

Это мѣстечко, состоявшее изъ немногихъ хижинъ, небольшой старой церкви и дома священника, называлось Сентъ-Мари. Селеніе, само по себѣ пустынное и одинокое, въ эту бурную ночь представляло двойной печальный зрѣлище; вѣтеръ, казался, готовился разметать по воздуху вѣдъ крытый соломою лачуги, не исключая и первоную колокольню.

Такъ, вѣроятно, думали два человѣка, находившіяся въ это время на морѣ, въ лодкѣ, которую направлялъ къ берегу четыре матроса. Одинъ изъ мужичинъ, плотно завернувшись въ плащъ, лежалъ на дѣтской. Другой, напротивъ, сидъ придерживалъ рукою свой плащъ. Они стояли у мачты съ непокрытою головою и раскидывались по воздуху волосами; хотя волны перерывали черезъ борты лодки и сжимали его плащъ, однако, они неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ и пристально смотрѣли на берегъ. Лодка, очевидно, управлялась искусными руками, потому что они съумали воспользоваться выдвигавшимся моремъ, чтобы скорее причалить къ берегу. Своею маркую были блѣды грѣбни волны блистали очень неприятно; ботики то опускались, то подымались и лежали на боку.

— Чортъ возьми, Георгъ, ты лежишь, точно въ морской болотѣ! обратился человѣкъ, стоявшій у мачты, къ своему спутнику.

— Милордъ, пробуждайъ тотъ, я не очень-то люблю эту шуту природы, угрожающую смертью; да, крокъ того, и старость мнѣ не по шуту. Человѣкъ у мачты засмѣялся.

— Да, намъ чортъ смѣяться, продолжалъ лежавшій. Въ вѣстъ теченіе крови нашего отца, который былъ героемъ на морѣ—что жъ удивительно, что и мы любите эту отвратительную шутку.

— Угрожаетъ смертью? ха! ха! ха! продолжалъ смѣяться первый. Дѣло еще не далеко такъ далеко. Это не болѣе, какъ самый простой штормъ. Не правда-ли, Тоубъ?

Слова эти относились къ матросу, сидѣвшему на руль.

— Правда, лордъ Ионъ,—проговорилъ онъ. Штормъ сегодня не сильный, только то, что относительно пристани безпокойно, потому что въ темнотѣ ничего не видать. Если бы вы причалили у Лонгъ-Ченелъ, дѣло было бы лучше,—ого—берегись, на шель дѣла палъ.

Онъ вѣрно ружью перенесъ судно черезъ громадную волну, которая, благодаря искусному маневру, потеряла все свое значеніе.

— Будьте наготовѣ, Ионъ, командовать онъ.

— Гово-ого! Вотъ идетъ номеръ второй.

— Ну, да, я, покрайней мѣрѣ, знаю, гдѣ мы. Это Базестонъ.

Еще разъ онъ перенесъ ботики черезъ рядъ быстро катившихся волнъ.

— Что это за Базестонъ? спросилъ человѣкъ, котораго лордъ Ионъ назвалъ Георгомъ.

— Это шхера, которая, по мнѣнію ученыхъ, образовалась еще въ четырнадцатомъ столѣтіи, когда море порвалось въ эту страну и дѣла изълило теченіе Красной рѣки,—съ тѣхъ поръ въ этомъ мѣстѣ постоянный шхалъ,—вотъ посмотрѣте-ка, какъ явится волнамъ.

Дѣйствительно, ботики задрожали подъ частыми ударами волнъ—но онъ уже былъ недалеко отъ суши.

— Если бы имѣть хоть какую нибудь руководящую точку—хоть бы отнесъ увидѣть,—а то я опасуюсь Базестона.

— Да вотъ и огонекъ, сказалъ Георгъ, съ трудомъ державшійся за мачту. Кажется, это село.

— Это Сентъ-Мари, сказалъ рулевой. Оно не можетъ служить для насъ указателемъ, потому что лежить въ десяти минутахъ отъ берега.

— Да, да, сказалъ лордъ Ионъ. Эти огни неподвижны—они горятъ за окнами—село и его церковь, кажется, готовы разлетѣться по вѣтру.

Опять послышалась команда Тоубъ—своею потную темноту бѣзлѣ туманъ, покрывавшій Ромней-Моръ.

— Смотрите, что-то дышнется, вскричалъ лордъ Ионъ.

— Что такое, милордъ? спросилъ рулевой.

— Свѣтъ—я нею вижу—красноватый свѣтъ среди тумана.

— Бѣзудачный огонекъ, замѣтилъ Георгъ.

— Ого—пѣтъ! Я рожу мучу. Вотъ онъ исчезъ,—вотъ опять явился,—посмотрите-ка Тоубъ туда!

Рулевой, правую рукою державшій руль, лѣвою сдѣлалъ выскрѣсъ надъ глазами и пристально посмотрѣлъ по направлению, указанному лордомъ Иономъ.

— Дѣйствительно, милордъ, вы правы, сказалъ онъ,—въ вѣстъ чудесные глаза—вотъ онъ опять появился—опять исчезъ. Если это намъ свѣтитъ другъ, то мы можемъ съ увѣренностью причалить; если-же это засада...

— Увидѣлъ, сказалъ лордъ Ионъ, обнявъ лѣвою рукою мачту и правую—въ правую рулевъ. «Го-го-го»—закричалъ онъ сильнымъ голосомъ, который покрылъ шумъ бури.

— «Го-го-го»—раздалось еще разъ. «Дог-а-да», вскричалъ лордъ Ионъ въ рулевъ. «И-ю-ю», раздалось съ берега и факелъ поднялся такъ высоко, что надвигавшееся море на далекомъ разстояніи освѣтилось красноватымъ блескомъ.

Управлявшие ботикомъ поняли по сигналу и искорѣ лодка ступила въ гранитный берегъ. Трое схватили якорь, выскочили на землю и искорѣ ботики общими усилиями были тащены на землю. Сиренцетъ дождемъ отъ разбланившихся волнъ, лордъ Ионъ и Георгъ оставили судно, между тѣмъ, какъ Тоубъ и его матросы продолжали вѣстись около него.

Оба незнакома, не смотря на сильный вѣтеръ, довольно скоро пошны въ берегъ. Искорѣ они увидѣли передъ собою человѣка, державшаго факелъ; тотъ, видя, что путешественники случайно причалили, торопился имъ на встрѣчу.

— Милордъ, сказалъ встрѣтившій ихъ, погасить факелъ. Привѣтствую васъ отъ имени всѣхъ старинниковъ короля Иона. Сюда по нашему паролу, мы тотъ самый человѣкъ, котораго я ждалъ.

— Я самый, мой другъ, сказалъ Ионъ. Куда вы поведете насъ?

— Держитесь ко мнѣ поближе, милордъ, потому что ночь темна и непогодна, а намъ придется пройти порядочное разстояніе. Я долженъ погасить факелъ, потому что жители села Сентъ-Мари, лежащаго вонъ тамъ, очень подозрительны. Ну, пойдете-же.

Онъ пошелъ радостъ съ своими лордами. Они держались дороги, которая сначала пролегла по

лави, далѣе шла между болотами, затѣмъ подалъ немъ появились пашни и огороды, окружающіе дворъ поселенъ; наконецъ она вышла на равнину, оазисную густыми лѣсами.

Проводникъ молча шолъ передъ лордами по узкой дорогѣ. Когда же дорога перестала быть видимою среди равнины, поросшей травомъ, онъ остановился.

— Мы повернемъ теперь на право, сказалъ онъ; держитесь поближе къ моему куртку, милорды, а вы, сударь, обратитесь онъ къ Георгу, возмѣщая за плащъ милорда—такъ мы не потеряемся.

Такимъ образомъ пошны отъ узкой тропинки и лорды почувствовали, что спускаются внизъ; въ одномъ углубленіи, неслыхаетъ отъ себя, замѣтилъ они слабый свѣтъ.

— Это моя хижина, сказалъ проводникъ. Сейчасъ я отдамъ паролъ.

Онъ рѣзко засвисталъ и былъ тотъ же часъ услышанъ. Въсвѣтъ затѣмъ раздался собачій лай и изъ густой травы высочили два огромные бугада.

— Сяосонъ!—Персе-го, го! позвалъ проводникъ. Исы узнали своего хозяина, который, присаживая ихъ, закричалъ: Джонъ! ты тутъ?

— Еше бы, мастеръ Гуитъ, прозвѣстъ голосъ. На встрѣчу путешественникамъ вышелъ человѣкъ, въ плащѣ особой формы и со свисткомъ въ кулаки.

— Господа тамъ? спросилъ Гуитъ.

— Ужъ пошъ-часъ, какъ они здѣсь.

— Ну, хорошо. Искорѣ общество очутилось передъ удивленнымъ зданіемъ, построеннымъ изъ обожженныхъ камней, который владѣлъ Ромней-Мора обшественно употребляетъ для своихъ построекъ. Крыша была плоская, покрытая булыжниками. Она съ кривыми рѣшотками; тяжелой двери, снабженной болтами, походила на крѣпостной ворота. Домъ былъ обнесенъ заборомъ и, поидиному, окруженъ садомъ. Милорды были совершенно пустыня—тамъ и самыя видѣлись безчисленные болота, изъ которыхъ, въ видѣ островковъ, выдвигались густая осеа. Встрѣтившій ихъ человѣкъ отворилъ плантку забора, отодвинувъ болты, затѣмъ отперъ самую дверь и пустилъ лордовъ въ комнату, освѣщенную грубой работы лампадой и износилъ походящую на тѣ большія свѣтлыя въ домахъ поселенъ, гдѣ обыкновенно собирается вся семья. Но стѣны на полкахъ стояли кружки и блюда. Они весело трещали въ каминѣ. Передъ ними сидѣли два человѣка, которые быстро встали, когда вошолъ Гуитъ съ своими спутниками.

— А—такъ это правда? Вы сами, ваша милость! вскричалъ первый съ удивленіемъ.

— Съ тѣломъ и костями, сэръ Робертъ Харноу, сказалъ лордъ Ионъ.

Харноу назвалъ своего товарища за руку: Представляю вамъ рыцаря Вильяма Паркинса, сказалъ онъ. Это человѣкъ, котораго рѣдкія способности могутъ помочь нашему предпріятію. Сэръ Паркинсъ и вы, мастеръ Гуитъ,—знаете-ли вы, какой чести удостоился нашъ домъ. Человѣкъ, сказалъ онъ, указывая на лорда Иона, стоящій передъ нами въ простой одеждѣ путешественника, есть его королевское высочество, герцогу Финкъ Джемсъ Бернскій, сынъ нашего милостиваго короля Иона II англійскаго.

Присутствовавшие низко поклонились.

— Я представляю эту честь моему отцу, сказалъ герцогу Бернскій, и приношу сюда въ сообщеніе нашего главнаго предводителя сэра Георга Баркли, чтобы внушить мужество всѣмъ вѣрнымъ приверженцамъ законнаго государя; я хочу сообщить вамъ, что конецъ похитителя трона, Вилгелма Оранскаго, близокъ, и убѣдить васъ въ дружбѣ нашихъ союзниковъ. И наконецъ, такъ какъ сэръ Георгъ Баркли снабженъ необходимыми документами—что присутствіе сына короля Иона въ состояніи обогрѣть самыхъ робкихъ. Какъ далеко подвинулись наши дѣла, а

сообщу нашимъ друзьямъ въ собраніи. Скажите, сэръ Харнокъ, подумали-ли вы о сознаніи совѣстности въ ѣвѣ въ какомъ мѣстѣ?

— Ваше Высочество, получивъ извѣстіе о нашемъ приѣздѣ, я уже рассылаѣ приглашенія то парижанамъ. Они соберутся послѣ-завтра ночью и намъ будетъ возможно сдѣлать смотръ нашей арміи. Конечно, въѣзду необходимо, чтобы до самого дня восстанія набиралась полная сила. И я теперь могу назвать намъ много хорошихъ именъ. Сэръ Гюльи Максвеллъ, майоръ Лонки, Стоу, Стюбблсъ, Яковъ Куртисъ, Робертъ Л-Естраунъ, сэръ Кингъ, Чамберсъ и Бойдъ, французъ де-ла-Ро, лордъ Россъ и Говардъ, Калффорнъ, Вите и многие другие. Вотъ люди, съ которыми Ваше Высочество будете имѣть дѣло.

— Хорошо, — сказалъ Бервикъ. Этимъ людямъ предстоитъ сдѣлать самое важное; они должны позаботиться обо оружьи, лодахъ и лошадахъ, — я же могу сказать имъ: что Франція готова оказать намъ содѣйствіе — все ужъ подготовлено. Мы должны назначить день восстанія. Позвольте мнѣ видѣться съ союзниками.

— Послѣ завтра вечеромъ или ночью я назначу собраніе, на которомъ наша милость будетъ присутствовать.

— Гдѣ же мѣсто собранія? спросилъ Бервикъ.
— Здѣсь! въ этомъ домѣ.
— Здѣсь? вскричалъ съ удивленіемъ герцогъ.
— Здѣсь. Я вѣрнѣе объясню вамъ въ чемъ дѣло.

Была Гунтъ, подвойте.
Гунтъ выступилъ, стоя въ рукахъ свою шляпу. Только теперь увидѣлъ Бервикъ человека, который былъ его проводникомъ изъ думбургскаго дома. Гунтъ былъ маленькій, широкоплечій малый; гладко стриженная голова его совмѣстила мило плечи, а короткія ноги судялись стѣснанными о большой снѣгъ; но вообще его видъ не внушалъ довѣрія. Бервикъ пристально осматривалъ его.

— Ваша милость, сказалъ Харнокъ, замѣтившій этотъ взглядъ: не судите по вышности. Мастеръ Гунтъ вѣрный яловикъ. Претерпѣвъ въ-которыхъ несчастій, онъ удался отъ большого свѣта и такъ какъ новые законы о податяхъ унаследованъ Виллельмъ дади ему порядочный пѣшокъ, то онъ сдѣлался, почти открыто, честнымъ контрабандистомъ.

Гунтъ заманчиво поклонился.

— Мастеръ Гунтъ, продолжалъ Харнокъ, открываетъ гостеприимную дверь своего дома для приверженцевъ короля Якова. Ни одинъ изъ шпіоновъ ордана не догадается о нашихъ дѣлахъ собранія. Отъ Лондона до Ромей-Моора всего шестьдесятъ девять англійскихъ миль, мы можемъ поддерживать непрерывнаго сношенія между Франшей или, скорѣе, между Сентъ-Иеремъпомъ *) и Лондономъ. У Голъ-Чепелъ и Сентъ-Маринъ стоить наши корабли; отсюда отправляются депеши изъ Лондона въ Сентъ-Иеремъ, изъ этой хижинки распространяются распоряженія между союзниками, отправляются курьеры въ разные мѣста; подъ этой кровлей часто проживаютъ наши друзья и предводители, когда имъ угрожаетъ опасность; отсюда они отправляются въ Францію. Надѣюсь, что и наша милость остановится въ этомъ домѣ.

При этихъ словахъ онъ отодвинулъ часть деревянной перегородки и герцогъ увидѣлъ комнату, изъ которой деревянная лѣстница вела въ верхнія комнаты дома.

— Здѣсь, продолжалъ онъ, мы собираемся для совѣщаній, результатовъ которыхъ извѣстны вашему высочеству. Мы набрали товарищей и друзей и создали средства; со дня ожидаемъ топки принаказанія изъ Сентъ-Иеремъ, чтобы насъ рѣшительный ударъ. Вамъ приѣздъ служить ручательствомъ за хорошій исходъ дѣла и

это стасливое предзнаменованіе, какъ и все остальное, распространяется изъ гостеприимной хижинки контрабандиста Билла Гунта.

Бервикъ полагалъ, что онъ долженъ оказывать вниманіе контрабандисту.

— Вашу руку, сказалъ онъ, протигивая свою кринолинову человѣку. Прощу извиненія за мое къ вамъ недобрѣе; но оно простительно человѣку, испытанному столько бѣдствій и измѣнъ, какъ дому Стюартовъ.

— О — наша милость, вскричалъ Гунтъ, я понимаю, что вы не оскорбили вашихъ словъ; вы же вѣрно можете на меня положиться. Мое опасное ремесло служить только для виду. Я продолжаю заниматься имъ съ тѣмъ, чтобы принимать товары господъ лѣвитовъ, тогда какъ прежде я переправлялъ броссильские кружева, аюльскія шапки, французскую бронзу, табакъ и другіе товары. Съ тѣхъ поръ, какъ началось вѣсто, я предпочелъ вѣночѣ предаться ему. Мѣсто, превосходше этого, вы не найдете для подобнаго предпріятія, наша милость. Близость моря благоприятствуетъ чистымъ переѣздамъ черезъ каналъ; скрытой хижинѣ нѣ извѣстна нигда, за исключеніемъ нѣсколькихъ рыболововъ; никто не подозрѣваетъ о существованіи здѣсь чего либо важнаго. Кромѣ того, я во всякое время переправляю письма и кораби, приходящие изъ Франціи съ порученіями отъ его величества короля Якова, всегда отправляются по сношенію, получивъ требованіе.

— Какимъ же путемъ доставляете вы письма въ Сентъ-Иеремъ? спросилъ Бервикъ.

— Мы помогаемъ контрабандѣ, отвѣчалъ Гунтъ. Люди всену любятъ совѣтаться носомъ, и потому письма, отправляемые въ Сентъ-Иеремъ, притиснутъ въ пакеты контрабанднаго товара, который укладываютъ въ ящики, а ящики опускаютъ въ бѣлозѣ, на извѣстное мѣсто. Потомъ, матросы изъ яловей, преданныхъ его величеству королю Якову, подымаваютъ на лодкахъ и увозятъ ихъ.

— Гм-гм! — прекрасно! проговорилъ Бервикъ. — Все предостаточно какъ нельзя лучше. Возвратясь въ Сентъ-Иеремъ, я расказываю моему отцу, какъ усердно работаютъ его подданные; и король Людовикъ XIV, который болѣе не желавши, какъ слова видѣть Стюартовъ на англійскомъ престолѣ, будетъ чрезвычайно радъ услышать, что храбрые изъ этой странѣ, за Якова Второго. Въ-же, мастеръ Гунтъ, вы будете награждены по паркамъ, если все кончится благополучно. Вы должны получить болѣе вѣсы денегъ, что, быть сомнѣнію, терпите убытокъ, отъ оставленія нашего прерваннаго занятія, замѣтилъ Бервикъ смѣясь.

Гунтъ душно улыбнулся. Онъ взглянулъ на Харнокъ, который также весело смѣялся.

— Отъ его величества будетъ извѣстна, — градирѣ върхнихъ сугубъ, сказалъ онъ. — Впрочемъ, Гунтъ не безъ средствъ, будьте покойны, ваше высочество — есть тѣмъ вѣтъ прожить — чего не хватаетъ нашимъ, то съ живымъ попомолно товарамъ, который иногда имѣетъ свою цѣну. Гунтъ преумна голова, какъ намъ удивляется; у него свой магазинъ — своя кладовая...

— Но гдѣ-же? спросилъ Бервикъ.

— Здѣсь, въ домѣ.

Гунтъ замѣшлся въ лицѣ, съ неудовольствіемъ посмотрѣвъ на Харнокъ и приложивъ ладонь къ губамъ.

— Очень ужъ я боюсь, засмѣялся Харнокъ. — Это, видите-ли, тайна.

— Я нахожу этотъ домъ помѣстительнымъ, однако, не подозрѣвая въ немъ склада сокровищъ.

— Ваше высочество, быстро началъ Гунтъ, у сара Харнокъ ужъ такая привычка говорить, — какія у меня сокровища: пара бѣлоснѣжъ въ погребѣ, нѣсколько судонувъ съ матеріями, — а вотъ и закуски, закончилъ онъ поспѣше, ви-

димо желая переимѣнить разговоръ. — Осмѣяюсь попороть ваше высочество отвѣдать мою страпину. Джонъ, напоръ вотъ здѣсь. Этого стоить назначить для нашего высочества; не ожидалъ я такого высочаго гостя, а то пригласился-бы поучае.

Онъ накрывъ столъ ствѣткою тончайшаго голландскаго полотна, поставилъ серебряные приборы и позвалъ кушанье.

— Dieu de Dieu! воскликнулъ Бервикъ. Я чувствую отчаянный аппетитъ, послѣ прокладной поѣздки. Садитесь, Георгъ, Харнокъ и вы, сэръ Паринетъ, прошу васъ, сегодня вечеромъ мы вѣрнѣе поужинаемъ — пренатѣнны-на-какихъ.

(Продолженіе будетъ).

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

I.

Семейное счастье.

Чайная комната въ замкѣ Эдрафъ ярко освѣщена. Осень наступила, на дворѣ темнѣетъ рано и потому вечерній чѣйнокъ при зажженныхъ лампахъ.

Уже астры поблѣзли въ саду и садовникъ чѣйный день возится около перекрѣвыхъ деревьевъ, окутывая ихъ соломой.

Цѣты, на которыхъ пагубно дѣйствуетъ холодъ, сбираются въ оранжерею, подобно тому, какъ люди отъ холода притиснутъ въ свои комнаты.

Наступившія сумерки суетили въ краснѣ, паростованій комнатахъ; лавенъ зажгли надъ чайными столами лампы. Въ комнатахъ стало свѣтло отъ лампъ и тѣло отъ затопленной яминки.

Курносильная горничная Роза бросила на уголья какой то порошокъ и въ комнату распространялся пріятный ароматъ.

Вѣс обитатели дома сѣли за столовую къ прѣстѣнному огоньку, наверху каждому по одиночѣе соусно и холодно.

Первая приходитъ графиня Мирта Рунельсъ, старая дѣва, тетя хозяйна дома. Она носитъ постоянно сѣрое шелковое платье и чепецъ, поперѣхъ котораго повязано тмѣною косынкою. Одиный глазъ у нея стѣпалъ.

Въ юности своей она была влюблена въ какого то принца, и на одиновъ сельскомъ базарѣ, въ тихую лунную ночь, въ саду, когда принцъ обѣщался ей въ любви — отказалъ ему. Этого отказъ стоить ей горькихъ слезъ и состарилъ ее нравственно болѣе чѣмъ наружно. Лѣтъ ей нѣтъ не знаетъ; но если бы по степенямъ ее любви было возможно сосчитать года, какъ по числу круговъ въ столахъ считаютъ года дерева, то тетусшъ Миртъ было бы даеко за тысячу лѣтъ.

Не смотря на то, графиня постоянно улыбалась, при чемъ выставляла зубъ, одиного торчащій у нея во рту; племянница своего и племянницу она любила искренно, и въ этомъ случаѣ не притворалась.

Шумъ своимъ шелковымъ платьемъ, какъ осенній вѣтеръ шумитъ поблѣженными листьями, она вошла въ комнату; платье обстало ее художонный станъ, она усаживъ въ приготовленное для нея кресло.

Лавей принесъ подносъ съ чашками, она махнула ему платкомъ.

— Жанъ, графиня Дина еще въ своей комнатѣ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— А графъ Христіанъ?

Уходящій дѣла остановился, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. «Графъ на охотѣ», сказалъ онъ и ожидалъ третьяго вопроса, но графиня махнула платкомъ, какъ будто отогнала отъ себя назойливую муху и тѣмъ поддалъ ему знакъ идти къ своему дѣду.

Горничная принесла въ своемъ передникѣ нѣсколько полнѣхъ неводраго дерева для лампа. Вѣдѣхъ за ней вошелъ нѣкто Виллако, другъ дома.

*) Мѣстопребываніе Стюартовъ во Франціи.

Графиня Мирта улыбнулась ему, при чем сына показала свой единственный зубъ, и крикнула рванымъ голосомъ:

— Вы не пошлѣ съ вашимъ другомъ на охоту? Это безсмысленно! вы знаете, какъ я люблю графа Христіана, какъ жена боится за него!

— О, Христіанъ теперь въ фазановомъ домикѣ, стрѣляетъ хохотыми зарядками, отбивалъ Винаго; если бы онъ помогалъ въ дѣлѣ на охоту, я бы не пустила его одного... Ни за что на свѣтѣ, особенно знала безпокойство графини. Какъ вы могли такъ обо мнѣ подумать?

Графиня Мирта взглянула на свои часы, которые были также оригинальны, какъ и ихъ хозяйка.

— Однако, они опоздали болѣе получаса, съ безпокойствомъ проговорила она; надѣюсь, съ нашей малюткой ничего дурного не случилось?

— О нѣтъ, утихнула ее Винаго; пять минутъ назадъ я видѣла, какъ она разбила въ кабинетѣ фарфоровую вазу. — Да вотъ и она.

Мадемуазель Тереза Лафуклеръ, гувернантка дѣвочки, вошла въ чайную со своей воспитанницей.

Гувернантка была похожа на золотушного херувима; четырехдѣтная Маза Сарно на чорнаго жулика, въ кисейномъ платочномъ платьѣ.

Гувернантка поклонилась и, скромнымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ, болѣе, чѣмъ словами, извинилась за поздній приходъ.

Маленькая графиня Маза вышла на бархатное кресло, запрыгала на его мягкихъ подушкахъ и, сказавъ кулачками, проговорила:

— Oh, comme Maза avoir faim!

— Графиня еще не кончила одѣваться? спросила тетюшка, обратилась къ мадемуазель Терезѣ.

— Графиня издѣтъ кажется всѣмъ за мною, отвѣтила юная гувернантка, съ улыбкой на губахъ и тихонько потерла руку, которую, въ надеждѣ холода, ушпилила Маза.

Графиня Дина Сарно дѣлительно вошла черезъ нѣсколько минутъ въ комнату.

Она чудно хороша собой. Ея длинныя, блондуры волосы падаютъ кудрями до самого пояса. Черные глаза смотрятъ изъ подъ темныхъ бровей. Она одѣта въ сѣренное осеннее платье съ зеленой отдѣлкой. Ей всего двадцать одинъ годъ; съ трудомъ вѣрится, что она уже пять лѣтъ замужемъ.

Она была совершеннымъ ребенкомъ, когда сдѣлалась невестой и осталась такимъ же ребенкомъ, сдѣлавшись женою.

Входящая въ комнату, она окинула быстрымъ взглядомъ выказывающую свой зубъ тетюшку, наклонившагося ей Винаго, француженку, дѣвочку, чайный сервизъ, горничную, хлопотавшую у каминна, и наконецъ свои блондуры кудри.

— Вотъ мы и всѣ вмѣстѣ, весело поклонилась она. Добрый вечеръ! И чай уже готовъ, какъ и рада, я голодна какъ волкъ!

— Маза, а графъ Христіанъ...? улыбалась говорить графиня Мирта, сжимая наемницу въ своихъ объятіяхъ.

— Христіанъ! ахъ правда, я про него и забыла! Воскликнула, какъ бы сама себя удивляясь графиня Дина. — Гдѣ же онъ можетъ быть до сихъ поръ? и бросила безпокойный взглядъ на часы.

— Въ фазановомъ домикѣ.

— Qu'y faîtes? небрежно произноситъ Дина, прохаживалась около стола и какъ бы не ожидая отвѣта; но вниманіе ея все устремлено на этотъ отвѣтъ.

— Онъ стрѣляетъ, събила утихнуть ее тетюшка Мирта; только стрѣлять, мой милый; вы должны простить его и дозволить ему это развлеченіе.

— Проститъ! когда мы должны начать пить чай безъ него!

— Начать безъ Христіана!

— Начнемте, жалобно пищитъ Маза.

— Маза была сегодня уминой, мадемуазель?

спросила гувернантку молодая хозяйка, подавъ горничной знакъ разности чай.

— Она, какъ всегда, была ангеломъ, отвѣчала скромная дѣвушка.

— Въ вашихъ рукахъ, мадемуазель, всакий сдѣлается ангеломъ, ласково улыбалась, сказала графиня Дина.

Гувернантка не привыкла къ комплиментамъ со стороны своихъ хозяекъ, по этому само мадемуазель Лафуклеръ просила счастьемъ.

водить въ его деревнѣ. Утро онъ сидитъ въ своей комнатѣ; обѣдаетъ вмѣстѣ со всѣми; вечеромъ его можно встрѣтить повсюду. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ безопасныхъ друзей, которые живутъ на свѣтѣ для того, чтобы гостить у друзей, скучать и составлять для тетушекъ партию въ пльзъ. Въ года юности онъ жилъ слишкомъ полно жизнью и не приобрѣлъ ничего для зрѣлаго возраста.

— Какъ я люблю каминъ, говоритъ тетюшка

Собраиe членовъ-благотворителъницъ Общества Попечительства о больны

Винаго поправлялъ уголья въ каминѣ, въ это время подали чай.

— А вотъ и чай, произнесъ онъ, какъ бы вступенчившись отъ замученности.

Винаго, женщина лѣтъ тридцати духа, такъ говоритъ по крайней мѣрѣ его жетрическое свидѣтельство. Но на лицѣ его лежатъ уже нечѣтъ утомленія, любъ покрытъ морщинами, онъ нецѣтъ скачуетъ.

Онъ другъ юности графа Сарнъ и осень про-

Мирта здѣсь тепло а на дворѣ непогода. Поминишь, Дина, какъ въ такой же ненастный осенній вечеръ всѣ обывичали пять лѣтъ тому назадъ?

Графиня Дина наизапа третью чашку, она остановилась, чтобъ отвѣчать, сибѣ замнѣ, надалъ прямо на ея молодое, почти дѣтское лицо.

— Да, проговорила она, я помню, какъ вѣтеръ разстрѣлалъ мои волосы.

— И ты чѣмъ не портилась домой; не правда ли, что подхожда, въ церкви, ты хотѣла возвра-

титися назадъ? слова эти были произнесены неожиданно вошедшимъ въ комнату графомъ Христиановъ.

— Ахъ Бибби, какъ ты испугалъ меня, вскричала, вздрогнувъ, Дина.

Графъ Христианъ держалъ уже ея руки и цѣловалъ ихъ.

— Развѣ не правда, развѣ ты не хотѣла идти назадъ?

— Да, но только для того, чтобы поправить

Дѣятельность Общества Попечительства о больныхъ и раненыхъ.

Облечать страданія есть настоящее и самое возвышенное призваніе женщины. Для ухода за больными нужны иѣжныя руки и чужое сердце, истинно-женская кротость и самоотверженность.

Въ настоящее время, для примѣненія женскаго милосердія, открыто громадное поприще и есть случай для самого безграничнаго самопожертвованія.

Нашъ рисунокъ изображаетъ одно изъ собра-

въ городахъ, дамы-благотворительницы собираются для работъ въ отдаленномъ помѣщеніи, гдѣ укладываются и отправляются по назначенію заготовленные ими вещи. Нашъ рисунокъ представляетъ одно изъ такихъ вечернихъ собораній. Дамы-же усердно посѣщаютъ лазареты и семьи убитыхъ и всюду стараются внести нѣжное облегченіе. На самомъ жѣстѣ войны, себѣ стражъ милосердія нѣрѣдко приходится жертвовать даже жизнью, какъ это и случилось во время бомбардированія Страсбурга.

Извѣстно, что и наша Государыня принадлежатъ къ числу покровительницъ одного изъ такихъ, истинно-христіанскихъ, обществъ и мы ежедневно читаемъ въ газетахъ о пожертвованіяхъ въ пользу страдающихъ братьевъ, къ какой-бы они націи не принадлежали.

Что русскія женщины въ высшей степени способны къ самопожертвованію, доказала Севастопольская война, во время которой сестры милосердія были настоящими ангелами.

Да, повторимъ еще разъ, милосердіе — самое настоящее дѣло женщины.

СЦЕНЫ ИЗЪ ВОСПИТАНІЯ ДѢТЕЙ.

Въ одномъ изъ публичныхъ петербургскихъ садовъ, сидѣли на скамейкѣ двѣ дамы, одна молодая, другая гораздо старше ее. Одѣты онѣ обѣ были не роскошно, а хорошо. Около нихъ перѣлась дѣвочка пяти или шести лѣтъ, очень живая. Она то катала по аллѣ серо, то прыгала черезъ веревочку, то играла въ мячикъ. Всѣ ея движенія были ловки и граціозны. Дамы любовались ею.

— Какая у ней маленькая нога, сказала молодая дама, обратясь къ пожилой.

— Да, отъѣжала та, ноги и руки у ней твои. Я отому очень рада. Ничего нѣтъ хуже для женщины, какъ большія ноги и руки.

— Правно, она будетъ очень недурна, когда вырастетъ, сказала молодая, самодоволенно улыбуясь.

— Да, только ужъ рѣзана очень, замѣтила старшая. Посмотри—идѣтъ ужъ запачкала платье.

— Что вы?

— Да я тебѣ говорю. Нади! Нади! приди сюда, обратилась она къ дѣвочкѣ, которая бѣжала по аллѣ, прыгая черезъ веревочку.

— Что бабушка? спросила Нади, подскочивъ къ пожилой дамѣ.

— Постой, покажи на платье. Гдѣ это ты успѣла выпачкать его, спросила бабушка, указывая на зеленое пятно на бѣломъ ниже платицы.

Дѣвочка наклонила головку и съ удивленіемъ принялась разсматривать пятно.

Не глядя гдѣ, бабушка, проговорила она наконецъ.

— То-то, не знаешь! Видишь, какая ты неосторожная! Развѣ можно такъ пачкаться! Говорятъ тебѣ, говорятъ: будь осторожнѣе, а ты точно дикая кошка. Какъ начнешь рѣзвиться, такъ ужъ и не помнишь, что на тебѣ чистое платье.

— А вотъ я ее не буду гулять брать, сказала молодая дама, если она не помнитъ, что ей говорить.

— Надо помнить, прибавила внушительно бабушка,—надо съ малыхъ лѣтъ приучаться къ аккуратности. А то что изъ тебя будетъ, когда вырастешь? Какъ тебя ни одѣшь, а если будешь пачкать да рвать, такъ всегда будешь хуже всѣхъ одѣта. Всѣ будутъ знать тебя нехорош.

И долго еще и бабушка и мать продолжали читать присмирѣвшей и даже пригорюнившейся дѣвочкѣ натаца на счетъ аккуратности.

Вдругъ проходившая мимо нихъ дама прилегла къ нимъ вниманіе.

— Посмотрите, мамаша, сказала молодая дама пожилой,—хорошее платье съ тремя голубыми чипками и съ пестринкой. Видѣшь очень красиво. И сѣбѣ сошью такъ. Замановое почесное, которое мнѣ Николай къ именинамъ подарилъ.

раненыхъ, въ Штутгартѣ. (Рисов. Лефатеръ; гравир. А. Дугель.)

прическу. А теперь прошу васъ, милостивый государь, не проливать чай; мы всѣ умиримся съ голоду.

— А я голодѣю васъ всѣхъ. Добрый вечеръ тетюшка, Здравствуй, Винако. Bonjour, mademoiselle. Гдѣ же Маза?

Маза спала глубокимъ сномъ, утонувъ въ мягкомъ, бесконечно глубокомъ, креслѣ.

(Продолженіе будетъ).

ній членовъ-благотворительницъ въ Штутгартѣ. Въ Германіи, къ Обществу Попечительства о больныхъ и раненыхъ, принадлежатъ чуть не все женское населеніе городовъ, начиная съ Королевы и ея двора и кончая обыкновенными смертными, которымъ заботы о собственной семьѣ оставляютъ немного свободнаго времени для того, чтобы поработать на раненыхъ. Правда, въ Германіи почти каждая семья отправляла на войну кого нибудь изъ близкихъ.

— Ну ужь охота, такую хорошую матерю на короткое плати изрѣзать, отбѣжала пожелала и разговоръ перешла на туалетныя подробности.

Дѣвочка, ободравшись, что забыла о платѣ на се платѣ, поспѣшавшаяся случаемъ и опять побѣжала по алазѣ, катя передъ собой серо.

Случайно какъ-то поклатилось оно не по тому направлению, которое хотѣла дать себѣ дѣвочка — она круто повернулась, чтобы схватить его, но скользянула и упала.

На злѣхъ матеря выразился испугъ, доходившій до ужаса. Она быстро вскопала, подбѣжала дѣвочку и принахлосъ распрямивать ее, не успѣвая на нее. Оказалось, что дѣвочка сидѣла немного выше. Но и эта пустая шараша надбавила заботы матерю. Она раза два внимательно осмотрѣла ее и успокоилась только тогда, когда убѣдилась, что это не пустика.

— Какъ же можно быть такой неосторожной, мой ангелъ, сказала она, цѣлуя и лаская дочь, — вѣдь זאת можно когда нибудь можно ушибѣться. Мамѣ будетъ жаль тебя, мама будетъ плакать! Она обвила дѣвочку и нѣсколько разъ опять горячо поцѣловала ее.

Видно было, что эта дама очень любитъ своего ребенка.

Дѣвочка, вѣроятно, уставъ уже бѣгать, осталась на колѣняхъ у матерю.

Проходящая лица снова удерживала внимание обихъ женщинъ и онѣ опять принахлосъ сообщать другъ другу свои замѣчанья.

Дѣвочка также сѣдѣла глазами за проходящими и прислушивалась къ тому, что говорили бабушка и мать.

— Вотъ не могу разобрать, какое это платье, шелковое или шерстяное? сказала бабушка, сѣдѣла глазами за блестящими кѣлѣтѣми платьемъ.

— Шерстяное, отбѣжала дочь.

— Итъ, Врочка, шелковое, возразила старушка.

— Мама, а мама, сказала вдругъ Надя, откуда родитъ беретъ?

— Изъ за границы приволокъ, отбѣчала разсѣянно мать. Это кѣлѣтѣе алазѣ, прибѣжала она, обращаясь къ старушкѣ, — алазѣа всегда блѣститъ.

— Ахъ, посмотри, посмотри! вотъ ротонда! Видишь? заговорила старушка, съ живостью указывая глазами и головой на какую-то блѣзую намирную наидку. Вотъ что я выкрою силѣ отъ Плѣдочей.

— Вотъ, маленькая, то съебѣи не эта выкройка; такъ скорѣе на какую-то манталью похожа...

— Мама, а мама, продолжала свое Надя, тебея мать за рукавъ, а гдѣ это заграница? Это горюдь такой?

— Да, да, горюдь... отбѣчала мать небрежно, не смотря на дѣвочку, — на той выкройѣ рукава естѣ...

— Да вѣдь и тутъ рукава. Только онѣ такъ, вшиты кускомъ, поэтому, что хочешь, то и выйдѣтъ изъ нихъ: опустить руки — манталѣа круглая, — сложить рукава... говорила бабушка. Ты посмотри-ка хорошенько.

— Это далеко, мама? настаивала Надя.

— Далеко... Итъ, все-таки я вамъ скажу, что то съебѣи друга выкройка, продолжала молодая женщина, провожая глазами удаляющуюся ротонду.

— Мама, а это очень большой горюдь — заграница? Больше, чѣмъ нѣтъ? спрашивала Надя.

— Ахъ, Надя, да отвѣлясь, отбѣчала мать съ досадою. Что это за манера такая, — какъ пойдѣтъ распрямивать, такъ конца нѣтъ. Вѣдь это неспосно. Не дамъ намъ съ бабушкой ни о чомъ поговоритъ.

— Гариѣа маленькая! прибавила, ласково улаживающую, бабушка. Это ужъ у ней привычка такая сѣдѣлась все что нибудъ спрашивать. А нехорошая это привычка. Надо отучать ее отъ

этого, а не то она въ ней такъ укоренится, что посядъ ничѣмъ не исправши. Вѣсьмъ надобѣтъ будетъ со своимъ вѣчными распрямисъ. Чѣмъ болѣе-то по пустому, душе бы повторила, что а тебѣ по-французски сегодня учила. Ну, что я тебѣ учила, поминишь?

Дѣвочка опустила глаза и молча выдала пальцемъ по пуговицамъ матерняго рукава. Видно было, что вопросъ бабушки поставилъ ее въ тупикъ.

— Grand maman, il fait beau aujourd'hui, подсакала мать пошуточнотѣмъ, нагнувшись къ ней.

— Grande main, il fait beau aujourd'hui, повторила дѣвочка, нагнувъ глаза на бабушку.

— Ну вотъ, умница, похвалила бабушка, похитивъ дочерѣ въ знакъ того, что она дѣлаетъ вѣдь передъ научкой, какъ будто не сама, что мать подсакала ей французскую фразу. Ну, теперь учи другую: il pleuvra aujourd'hui — сегодня будетъ дождь. Ну, скажи: il pleuvra aujourd'hui.

— Il pleuvra aujourd'hui, повторила опять Надя.

— Вотъ и старайся затвердить это, когда играешь и бѣгаешь. Такъ играючи и выучишься по-французски.

Дѣвочка соскочила съ колѣнъ матерю и принахлосъ бѣгать и прыгать около скамейки, повторяя вслухъ: il pleuvra aujourd'hui, il pleuvra aujourd'hui...

— Какъ мнѣ не нравится, что нынѣшныя мушкетеры носить, сказала молодая дама, взглянувъ на прошедшаго мимо господина. Чорное гораздо лучше.

— Это, что на немъ, какъ по нашему нынѣ называється, пиджакъ, что-ли? спросила пожелала дама, очень внимательно всматриваясь въ нарядъ прошедшаго господина.

— Итъ, это жакетѣа, отбѣжала дочь.

— Гавъ! промолвила бабушка, успокоившись. А не пора ли намъ домой? Какъ ты думаешь? Какъ будетъ дождь соберется, прибѣжала она, поднявъ голову и озирѣя небо, на которомъ вой-гдѣ набѣжали облачка.

— Бабушка, еще рано! подскочила Надя. Дождя не будетъ! прибавила она, также взглянувъ наверхъ.

— Итъ, не будетъ, проговорила также молодая дама. Посидите здѣсь маминъ еще немножко.

— Мама, а мама, а отчего это дождь цѣтъ, спросила вдругъ Надя, по живости характера забывшая уже правую-лѣвую бабушки и французскую фразу, которую ей вѣзали твердить.

Оттого, отбѣжала мать разсѣянно, смотря на проходящихъ, что на небѣ соберутся тучи, — ну вотъ и пойдѣтъ дождь.

Оттого, что тучи соберутся? переговаривала Надя полупосерьезно и, очевидно, неудовлетворенная этимъ отвѣтомъ. Оттого, что соберутся тучи! повторила она еще разъ и принахлосъ прыгать.

Моментъ не укротилъ въ ней духа любознательности.

— Зачѣмъ же онѣ собираются, мама? спросила она опять и переставъ прыгать, загнула назадъ голову и внимательно начала разсматривать небо.

— Опять! промолвила бабушка, но на этотъ разъ уже грозно взглянувъ на внучку. Вотъ видишь, какая ты вѣтреница! Сейчасъ тебѣ говорю, а ты опять за свое. Отчего то, отчего другое, — отчего третье — все ей разсказыва. Будешь учиться — все будешь звать. А теперь все это только пустая болтовня. Разскажи тебѣ все — а ты черезъ пять минутъ опять забудешь и пойдѣшь распрямивать, — повою итъ отъ твоихъ распрямисъ. C'est très vilain, très vilain, проговорила она совершенно распрямившись и обращаясь уже къ дочерѣ. Elle est très ennuyeuse,

avec ses éternelles questions; il faut la punir pour cela. Хотѣ одинъ разъ, чтобы у ней въ памяти осталось.

— Надя, бабушка и я, мы сейчасъ только что говорили, чтобы ты не приставала каждую минутку съ вопросами. Теперь я тебѣ наказыаю за то, что ты никогда не обращаешь вниманія на то, что тебѣ говорить. Пойдемъ домой.

— Мама, мама, я не хочу.

— Я знаю, что ты не хочешь. Мы бы остались здѣсь еще, — это я тебѣ за наказаніе ужожи. — Мама, мама а не буду больше! Я никогда больше не буду спрашивать.

Но бабушка уже устава со скамейки, распрямивъ платѣе, распустила зонтикъ и Надя улеза въ садъ, несмотря на ея слезы и обѣщанія никогда больше ни о чѣмъ не спрашивать.

На другой день случилось мнѣ быть у одной знакомой. У ней также были дѣти. Знакомая моя не только не походила на мать Надѣ въ отношеніи развитія — но была, напротивъ, совершенно противоположна въ сравненіи съ ней. Она была женщина достаточная и получала всевозможные журналы. Мужъ ея сѣдѣлся за всѣми новостями въ политикѣ, наукѣ, литературѣ и общественной жизни. Стоды и этжерны въ его кабинетѣ были всегдѣ залпены книгами и газетами. И мужъ и жена оба много читали, оба говорили мастери, что не часто случается встрѣтитъ у насъ, особенно между женщинами, и оба любябы поговоритъ. Только разговоръ моея знакомой производилъ странное дѣйствіе. Она выражалась ясно, даже краснорѣчиво; въ словахъ ея и тонѣ слышались, смотря по тому, о чѣмъ шла рѣчь, то проііи, то увѣченіе, то энергія, — рѣчь ея была пересыпана тѣми иностранными словами, которыя сужать какъ бы вывѣскомъ прогрессивнаго направлення. Говорила она болѣею частью о предѣлахъ дѣлѣныхъ, въ торые несподручно въ наше время вымываютъ ея чувствіе въ нѣмъ — а между тѣмъ разговоръ ея утомлялъ до того, что, проведя съ ней часъ или полтора, вы чувствовали, какъ на васъ начинало нахлѣдѣть нерпное раздраженіе, какъ хотѣлось зѣвать, голодъ, говорившии какъ-то неспосно, одобрѣнно, какъ безпрестанно повторяющіеся метафизическія звуки, отдаваясь въ вашихъ ухахъ, — смыслъ словъ улетучивался отъ нашего вниманія — на васъ нападѣла какая-то болѣзненная тоска; предѣтъ, о которомъ шла рѣчь, не только уже не возбуждалъ въ васъ интереса, но въ вашей головѣ не оставалось уже никакой другой мысли, кромѣ той, какъ бы поскорѣе отбѣдѣлась отъ красиво говорившей барыни, — и изъ всей бесѣды выносили вы только тяжелое впечатлѣніе, которое долго давило вамъ мозгъ. Хотѣлось ли моея знакомой доказать какъ-то нибудъ, — быть въ чѣмъ, — какъ ни ясны были ея доказательства, какъ ни горячи убѣжденія, но производили обратное дѣйствіе. Вѣкъ, напротивъ, не хотѣлось вѣрѣтъ, ни почти досадовали на то, что доказательства были неапроеверями, а убѣжденія не проиниши въ вашу душу. Мы не на одну минуту производило краснорѣчіе моея знакомой такое дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что она имѣла привычку изобрѣтать другъ слова, данный ей природою, не только на своихъ знакомыхъ, но и на всѣхъ своихъ домашнихъ, на мужъ, на дѣтѣхъ, даже на прислугѣ.

Если ей надо было послать кухарку въ лавку купить картофеа, она говорила ей предельно-не по цѣлуу рѣчь, проиницуя остроумно и ироніей на счетъ неиниманія вообще русскаго чело-вѣка къ тому, что онъ дѣлаетъ и Петербургскихъ кухарокъ въ особености къ нѣхъ покупкамъ. Если ей надо было сказать семидесятиу сину, чтобы онъ повторилъ бумъ въ азбуку — она цѣла ему цѣлуу лещицу о польдѣ прѣсвѣщеніи, о необходимости развитія въ насъ вѣтъ, о вы-сокомъ значеніи труда и пр. Воспитаніемъ дѣтѣ своихъ занималась она усердно, даже слышомъ

усердно. Каждый шагъ ребенка подвергался ей строгому и просвѣдному контролю — такъ что ребенокъ начиналъ жить слѣзанный уже по рукамъ и ногамъ просвѣдниками, какъ дѣлами.

Она говорила, что дастъ своимъ дѣтямъ рациональное воспитаніе и слова: «недогодныя», «недогодныя приемы», слышавшееся безпрестанно въ ея домѣ.

И рѣдко посмѣала ея, потому что, кто бы въ ней не было, кто такая гостиница гостей — она постоянно была озабочена своими дѣтями, безпрестанно вставала, убѣжала къ нимъ въ дѣтскую, а если они были въ гостиной, то каждую минуту прерывала свой красноречивый разговоръ и обращалась къ нимъ. Гости, очевидно, мѣшали ей заниматься воспитаніемъ дѣтей, хотя она всегда неостановленно звала къ себѣ и если долго кто не хѣлалъ къ ней, прѣизнала сама и начинала день, когда бѣдѣла дома и брала слово въ ней въ этотъ день.

Нисколько дѣтъ тому, когда всѣ кричали: «дой до всѣхъ авторитетовъ», знакомая моя такъже проповѣдывала отрѣженіе авторитетовъ. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей такъ вѣрить всему печальному, нисколько не оубеждала это печальное своей головой, лишь бы только это печальное было похвально въ какомъ нибудь прогрессивномъ журналѣ или чтобы авторъ его пользовался репутаціей прогрессивнаго писателя.

Знакомая моя, когда я пришла къ ней, встрѣтила меня очень печальными вѣстивостями.

— Вотъ какъ вы давно не были у меня, сказала она, даже не знаете, какое у меня страшное горе. Вѣдь у меня Андрюша умеръ.

Андрюша былъ ей второй сынъ; красноречивъ, живой, здоровый мальчикъ четырехъ лѣтъ.

Нѣвѣсте это меня огорчало.

— Чѣмъ же онъ захворалъ? спросила я, вы сказали же мое живое сочувствіе къ ея утратѣ.

— Крупъ судялся. Вѣдь вы знаете, нѣмые осебно побѣдѣ больше — крупъ. Три доктора лежали — ни ничего не могли сдѣлать.

Пока мы говорили съ ней въ гостиной, въ дѣтской послышался споръ, угрожаившій голосъ плача, потомъ плачь, который становился все громче и громче.

— Навѣрное, покажуся, я на минуту загляну въ дѣтскую, сказала моя знакомая и выѣхала.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Условія вѣселя — Вѣселился-ли Петербургъ? — Что дѣлается подлѣ Парижкомъ. — Успѣхи физики и успѣхи голода. — Невняныя жертвы войны. — Доминъ Гегель въ Илльмену, и проч.

Одна, очень остроумная, женщина замѣтила какъ то, что вѣселе зависить отъ трехъ вещей: отъ внутренняго содержанія присутствующихъ, отъ общества по мнѣнію и отъ меблировки комнаты. Въ гостинныхъ, гдѣ все расположено симметрично, первые часы вечера проходятъ нестерпимо скучно и только уже къ концу, когда симметрия нарушится и сама мебель приспособится, такъ сказать, къ интересамъ бесѣдующихъ, начинается оживленіе. Ну, вѣроятно, въ Петербургѣ, гдѣ мебель такъ тяжела, что ее сдвинуть трудно, малъ обществу недостатка духа первыхъ условій, только веселье какъ-то нешлюбо.

Мы не говоримъ о большихъ балахъ, гдѣ уже самая обстановка дѣйствуетъ обѣщательно, гдѣ звуки музыки заглушаютъ звуки давно надобѣвшихъ рѣчей и гдѣ нѣтъ, очень будничная, личностъ получаютъ больше или меньше праздничный видъ. Случны по преимуществу вечера *интимные*, именно тѣ, на которыхъ людямъ должно-бы всего легче дышаться и всего свободнѣе говорить.

Въ послѣдніе два года, мы замѣтили, что разговоры въ тѣсныхъ кружкахъ приняли характеръ чего-то заунывнаго. Въ *разговоривающихъ*, а нѣтъ кто *говоритъ* отъ души. Всѣ какъ будто боятся пробовать и показаться менѣе важными, чѣмъ того требуютъ «наше время», когда и проч. Ужасно много развелось людей мрачныхъ и строгихъ, которыхъ нѣтъ въ удивленіи и ни въ чѣмъ не заставишь отнестись просто, безъ критическаго взгляда и утайбы сожалѣнія. Впрочемъ... мало-ли какими причинами можно объяснить подобныя явленія. Почему-бы, напримеръ, не свалить всего на продолжительную осень и не раздѣлить всѣхъ мрачныхъ людей или на страдающихъ уже катарромъ, или на ожидающихъ его появления. А война-то? Развѣ можно оставаться безпечными въ виду такихъ грозныхъ собѣдѣй.

Садѣтельно, благосклонныя читательницы, война-же и будетъ причиною того, что мы не скажемъ какъ ничего, особеннаго. Въ лабубхъ по старому тащущую и играть въ карты; въ театрахъ по старому аллюдируютъ Патти и Грановой; подлѣ Парижкомъ... О, подлѣ Парижкомъ далеко не по старому. Такъ нынѣ соуса изъ комель, соболь и лупшехъ начинаютъ считаться издурнымъ купальнымъ и, если дѣло пойдетъ все такъ, какъ идетъ до сихъ поръ, то и этихъ лабубхъ бѣды не хватить. Вылазны такъ почему-то все собираются дѣлать и не дѣлаютъ. Профессора физики все изобрѣдаютъ способы привести Парижъ къ сообщенію съ провинціею, а профессора Годолъ достигъ уже такихъ результатовъ, что французскіе офицеры, подлѣ зашитою парламентскаго флага, прибѣгаютъ къ прусскимъ линіямъ и, жаулясь на крайнюю нужду, просятъ съѣстныхъ припасовъ у иѣмскихъ войскъ. А жители самыхъ бѣдныхъ кварталовъ толпами приходятъ просить, чтобы ихъ взяли и дали возможность кормиться. Корреспондентъ при арміи Саксонскаго принца говоритъ, что Парижъ рѣшился не поднорать бомбардированію и избавитъ убивать безъ крайней необходимости хотя одного французъ, такъ какъ каждый убитый можетъ служить обезпеченіемъ для остальныхъ, въ отношеніи продовольствія. Съ другой стороны, впрочемъ, говорятъ, будто на выручку Парижа идутъ *десятыя* арміи.

Русскій докторъ Геншеръ, бывшій въ Страсбургѣ, во время его бомбардированія, сообщалъ слѣдующія печальныя подробности о совершенно еще невѣстныхъ жертвахъ войны: Одна изъ первыхъ бомбъ, брошенныхъ въ Страсбургъ, попала въ дѣтскій прѣмѣтъ и, лопнувши, ранила одиннадцать дѣвочекъ. Пять изъ нихъ умерли на мѣстѣ, четверть отнято по одной ногѣ, а остальные нѣмкѣ сложные перемены ооченности. Когда, во время бомбардировки, большыя стали переносить изъ больницы въ подвѣмная хрѣмъ страсбургскаго собора, то, во время переноски, загорѣлась на соборѣ крыша и нѣсколько большыя и послѣдующимъ были обожжены развѣзленнымъ мѣдомъ, протекавшимъ съ горѣвшей крыши черезъ отверстія сводовъ собора. Во время перевезенія раненыхъ, въ больницу вѣзелья трагата и убита трѣхъ сестеръ милосердія.

Итальянская война вообще знаменательна разрушеніемъ историческихъ памятниковъ. Такъ, въ Страсбургѣ сгорѣла много древнихъ церквей, театр, музей живописи и скульптуры, библіотека и проч. Такую-же уничтоженію подвергся въ Илльмену маленкій домикъ, замѣчательный тѣмъ, что Гете жилъ въ немъ нѣсколько времени и написалъ на одной изъ стѣнъ его знаменитое стихотвореніе:

«Горнымъ вершинамъ
Спать по тѣмъ ночамъ,
Такихъ долымъ
Поламъ свѣжей мѣлой.
Не шукать дорога,
Не дорвать дѣтсмъ...
Подожди не много,
Отдохнешь и ты».

Это былъ простой деревенскій домикъ въ два этажа, который съ благоговѣніемъ посѣщали просвѣщенные путешественники. Гете очень любилъ то, о особенныя, слѣзанныя съ нимъ, воспоминанія и всенякъ разъ заходилъ въ него, когда ему случалось быть въ Илльмену.

Однажды, въ день своего *восемидесяти* *оно*рожденія, докторъ нарочно прѣхалъ навѣстить своего любимаго домикъ, въ сопровожденіи одного только товарища. Долго стоялъ онъ передъ окномъ, подлѣ котораго написаны были прѣдвѣсныя нами стихи, потомъ глубоко вздохнулъ, проговорилъ въ подлѣхоу:

«Подожди не много,
Отдохнешь и ты».

и уѣхалъ.

Грустно все это! Чтобы не заканчивать такъ печально, приведемъ комическій проектъ парижскаго женскаго клуба, внушенный впрочемъ мыслію о защитѣ отечества. Кромѣ всѣхъ, уже существующихъ, отрядовъ, члены этого клуба предложатъ сформировать особый отрядъ изъ мужей, покинувшихъ своихъ жонъ. Это точно въ отместку за посѣщеніе, которое Парижане еще помнятъ съ 1848 года. Говорятъ, что тогда, вмѣстѣ съ криками «Vive le gouvernement provisoire!» раздавались также и отдаленныя восклицанія: «Vivent les femmes provisoires!» (Да здравствуетъ временное правительство! Да здравствуетъ временныя жоны!)

Смѣсь.

Гаванскія сигары. Вѣсмъ извѣстно, что дѣлать десятыхъ сигаръ, обращающихся въ продажѣ подлѣ названіемъ настоящихъ гаванскихъ, никогда не бывали на о-вѣ Гаваны. Не смотря на то, онѣ обладаютъ характерными знакомъ гаванскихъ сигаръ, такъ что знатоки должны признать, что если эти сигары и не гаванскія, то не великаго случая чужеземную искусно поддѣлать. Между тѣмъ *Журналъ прикладной химіи* замѣчаетъ, что прекрасный ароматъ сигаръ внутренняго приготовленія зависитъ отъ вѣлерианова эфира, который всасывается внутренними стѣнками листьевъ. А чтобы читатели не составляли себѣ какія нибудь иллюзіи относительно происхожденія этого вещества, прибавляетъ, что оно извлекается не изъ ароматическихъ травъ, а изъ вымытриннаго смра.

Французскій каламбуръ: Potiquoi Napoléon ne peut-il plus mourir? — Parcequ'il a perdu Sedan (ses dents).

Съ однимъ изъ *Самскихъ близнецовъ*, именномъ Чингомъ, сдѣлался ударъ, при чемъ Энгъ остался совершенно здоровъ. Полагаютъ, что съему разлучить братьевъ и Энгъ останется доживать одинъ.

Предложеніе описанія рисунковъ № 1.

49—50. Вѣтеръ съ вышивной по толую.

50. Берегъ вѣтеръ, обтѣнанный взглядъ цѣлѣной шелковой матеріи и на него наивнѣе выкладные тѣлѣные швы; на рис. 50 данъ образчикъ въ порознѣе настоящихъ кружевъ. Внутрь заурѣннаго края вѣтра на вѣсной модѣи листы и цѣлѣицы образуютъ красную гирлянду, рис. 50. Фонъ можно укрѣпить разбрасываніемъ цѣлѣицы. (За вышиваніемъ требуется хороній тѣлѣ бѣлѣицы, а вѣтеръ наивнѣе тѣлѣ бумагу, на которой обѣдѣи узоръ. Вѣтри контроль оны дѣлѣицы заставляются по вѣсому направленію дѣлѣицы тоненькими нитками вѣдѣе (N 300) тѣлѣицы вѣдѣи и нѣрѣдѣ; цѣлѣицы же внутри контроль наивнѣе изъ нѣлѣицы габрилки стѣицы. Нѣлѣицы, острѣе, жили и габрилки вышиваются нѣлѣицы тонкой бѣлѣи. При вышиваніи оводѣ контроль оуластѣицы олимпъ рѣдѣ дѣлѣицы, который крайняя нѣлѣи дѣлѣицы вѣдѣи. Если вѣдѣи нѣлѣицы вѣдѣи тонкой крученый шнѣкъ для дѣлѣицы, а для цѣлѣицы некрученый шнѣкъ, то эта отдалѣи приметъ видѣи бѣлѣицы.

Г.М.ХУТТОНЪ и К^о.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
НАСТОЯЩИХЪ
АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

СИСТЕМЫ
Виллера и Вильсона

въ Нью-Йоркѣ.

Малая Морская,
д. Воронцова,
№ 14.

Несколько прощ., на углу Малой Конюшенной, 1. Рязань

Д. И. БЕРЕНЪ
Парикмахеръ.

ДАМСКІЯ ПРЯЖКИ, ШЕРВОНЕТЫ, КОСЫ, ВАНДО, ВУЛЫ
И ПРОЧ.
Большая Морская, д. Елѣсова.

Ю. И. Ф. ЛОРАН.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ
МУЖСКАГО и ДАМСКАГО
БѢЛЫЯ.
Большая Морская
д. № 18.

КОРОЛЕВА.
МАГАЗИНЪ

Дамской и Мужской обуви.
Несколько прощ., д. Глазунова.

ИЗВѢСТНЫЕ
ТОРГОВЫЕ ДОМА
и
ФИРМЫ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
разнаго рода матерій, лентъ,
кружевъ, вышитыхъ вещей,
готоваго мужскаго и
дамскаго бѣлья
и проч.

Лескина д. Лоп.
Возм. Суров.
ска д. Лоп.
№ 18.

И. САВЛЕНОВА.
МАГАЗИНЪ
ТКАНИХЪ и ГЛАВНОМУ КОМУ-
ТОМУ

Точная работъ, вышитыя вещи, бѣлье

ПЕТРОВА и МЕДВЕДЕВА.

ОТРОЧНЫЙ ВЫБОРЪ
ГОТОВЫХЪ ДАМСКИХЪ

НАРЯДОВЪ.

Гостиница Лавръ,
Вторая Суровская д. Лоп.,
№№ 119, 120 и 121.

Московскихъ Фабрикантовъ.

ВЫШЛО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ Мануфактурной Выставки

ВСЕРОССИЙСКОЙ

1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ —
съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описание этихъ предметовъ;
виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представившихъ свои произведенія;
указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ
и проч. и проч.

АЛЬБОМЪ МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

ВОСПОМИНАНІЕМЪ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА

и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣли
имѣются экземпляры въ коленкоровомъ переплетѣ съ золоты-
ми тисненіями.

ЦѢНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКИ:

Безъ переплета и перес. 4 руб.; съ пересылкою 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ пересылкою 6 руб.

Требованія адресовать въ Контору Редакціи «Всѣмирной Иллюстраціи»
(Германа Гоппе), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Пе-
тербургъ.

Издатель **ГЕРМАНЪ ГОППЕ.**

(232)

РЪЗЕЦЪ для сниманія рисунковъ и выкроекъ
у издателя **Германа Гоппе**, по Большой Садовой ул., д.
Ильина, № 16.

Цѣна 60 коп., съ пересылкою 1 р.

продается въ Конторѣ Редакціи журнала «Модный Свѣтъ»,
Ильина, № 16.

(228)

Объ изданіи въ 1871 году

ЖУРНАЛА

ПЕРЕВОДЫ „ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“

изд. Н. С. Львовымъ.

Начиная 5-й годъ своего существованія, Редакція «ОТДѢЛЬНЫХЪ РО-
МАНОВЪ», не дѣлая никакихъ заманчивыхъ обѣщаній на 1871 г., считаетъ
лишь долгомъ заявить, что она будетъ продолжать свое изданіе по пре-
жней программѣ, и по возможности печатать только такіе переводные рома-
ны, о которыхъ будетъ находить лучшіе отзывы въ заграничной лите-
ратурѣ. Редакція по прежнему будетъ поминать начало и конецъ переводнаго
романа въ мѣсячной книгѣ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда романъ
слишкомъ великъ, и составитъ болѣе 40 печатныхъ листовъ, то въ 2-хъ
или 3-хъ книгахъ.

Журналъ будетъ выходить по прежнему, въ концѣ каждого мѣсяца,
книжкою отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, остается по прежнему:

Безъ пересылки 6 р. 50 к.

Съ доставкою на домъ 7 р. 50 к.

Съ пересылкою во все города Имперіи. 8 р.

Подписка принимается въ С. Петербургъ, въ Редакціи, Колоколь-
ная улица, домъ № 7, и въ книжномъ магазинѣ **Я. А. Исакова**, въ
Гостинномъ дворѣ.

Гг. иногородные непосредственно адресуютъ свои требованія: въ С. Пе-
тербургъ, въ Редакцію «ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ».

Тамъ же можно получать оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экзем-
пляры за 1867 по 70 года по той же цѣнѣ.

(224) 3—2

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ.

DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю тщательно исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебель-
щиковъ, но и для любителей.

Цѣна Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя **Германа Гоппе**, на Бол. Садов. ул., въ д. Ильина, № 16.

(231)

У книгопродавца издателя **ГЕРМАНА ГОППЕ** и у всѣхъ извѣстныхъ
книгопродавцевъ, а также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ Главнаго
Общества, продается новая книга:

БЫЛИ БЕЗЪ ДУМЪ, рассказы — дима — ова.

Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

Подписчики «Всѣмирной Иллюстраціи» и «Моднаго Свѣта»
за пересылку не платятъ.

(233)

ЖЕЛАЮЩИМЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ
ШВЕЙНЫМИ МАШИНАМИ

Предлагаютъ 4-ре таковыхъ:

СИСТЕМЪ **ВИЛЛЕРА** и **ВИЛЬСОНА** 2, **ГРОВЕРА** и **БЕНКЕРА** 2,

съ платой по 40 коп. въ день, или по 10 к. въ часъ,

здесь-же обучаютъ шитью на машинѣ по 3 р. съ человека

и
принимаятъ швейную работу.

На углу Амиральской площади и Невскаго проспекта, домъ № 1, вл. № 7.

(225) 3—2.

Подписка на 1871 годъ.

„ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Вслѣдствіе желанія гг. подписчиковъ, «Вечерняя Газета» съ 1 января 1871 года будетъ выходить ежедневно, не исключая дней, слѣдующихъ за праздниками. Всѣхъ номеровъ въ теченіе года выйдетъ 350. Объемъ газеты остается прежній. Въ дни, слѣдующіе за праздниками, «Вечерняя Газета» будетъ выходить въ полулистовомъ форматѣ, а въ остальные дни, какъ и въ нынѣшнемъ году, въ листовомъ форматѣ. Съ 1 января 1871 г. «Вечерняя Газета» будетъ печататься совершенно новыми, крупными, четкими и удобными шрифтами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1871 ГОДЪ СЛѢДУЮЩАЯ:

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ И ДОСТАВКИ:	
на годъ	6 р. — к.
» 6 мѣсцевъ	3 > 25 »
» 3 мѣсца	1 > 70 »
» 1 мѣсца	— > 65 »

Каждый номеръ «Вечерней Газеты» будетъ посылаться во всѣ города Россіи, съ доставкой на домъ, на мѣстѣ жительства подписчика и за границу, въ бандеролахъ, съ печатнымъ адресомъ каждого подписчика.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Вечерней Газеты», въ С.-Петербургѣ, на углу Гороховой и малой Морской, въ домѣ Татищевой, и въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ, д. Загряжскаго).

СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ И СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ ГУБЕРНІИ:

на годъ	8 р. — к.
» 6 мѣсцевъ	4 > 50 »
» 3 мѣсца	2 > 25 »
» 1 мѣсца	— > 85 »

Редакция покорнѣе проситъ гг. иногородныхъ: 1) объявлять свои требованія заблаговременно, чтобы не испытать поздняго поученія газеты, такъ какъ заготовленіе бандеролей и печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса, четко написанные, съ обозначеніемъ ближайшей къ подписывающемуся почтовой конторы, въ которой допускается

раздача газетъ, губерній и уѣзда, гдѣ она находится, и мѣста своего жительства, и 3) если кто желаетъ имѣть въ своемъ съ газетою билетъ на ея поученіе, заявлять объ этомъ въ письменнѣмъ требованіи, прилагая почтовую марку на пересылку билета.

Редакторъ и издатель К. Трубиновъ.

(226)

ПОДПИСКА НА 1871 ГОДЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ПАРОВОЗЪ“

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- Внутреннее обозрѣніе:** Передовая статьи по современнымъ вопросамъ. Правительственныя распоряженія: изъ officialныхъ органовъ, указы, циркуляры, переписки по службѣ, опредѣленія и проч.
- Иностранная политика:** Обзоръ иностранной политики по свѣдѣніямъ, печатаемымъ въ officialныхъ отечественныхъ органахъ.
- Телеграммы.**
- Научный отдѣлъ.** Статьи по всѣмъ отраслямъ науки и литературы, преимущественно касающіяся мѣстнаго края; сюда входятъ критическій и библиографическій отдѣлы произведеній появляющихся въ мѣстномъ краѣ Театральной хроника и проч.

Смѣсь. Небольшія статьи о современной общественной жизни въ Россіи и заграничій. Свѣдѣнія о жѣлѣзныхъ дорогахъ, пароходствѣ. Торговой бѣдствѣ. Анекдоты. Открытія.

5. **Разнаго рода объявленія.**

Газета «ПАРОВОЗЪ» будетъ выходить три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, кромѣ дней праздничныхъ и слѣдующихъ за праздниками. Особо важныя извѣстія и телеграммы, будутъ печататься въ день поученія и размѣщаться подписчикамъ отдѣльными прибавленіями.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

За годъ 5 р., съ пересылкою 6 руб. Съ 1871 г. газета «ПАРОВОЗЪ» будетъ размѣщаться иногороднымъ подписчикамъ немедленно по выходѣ каждого номера.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ главной конторѣ редакціи газеты «ПАРОВОЗЪ»; въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова и другихъ.

Редакторъ-издатель Н. Семеновскій.

(235)

ВСАДНИКЪ БЕЗЪ ГОЛОВЫ,

Романъ капитана Майнъ-Рида.

Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.; съ перес. 1 руб. 50 коп. (237)

Магазинъ М-мъ ЛЕКУФЛЕ,

по Малой Морской, д. № 8.

Имѣть большой выборъ корсетовъ, съ рачительствомъ за прочностью. «За удобство ихъ въ носкѣ, при правильной вымѣстѣ талии и хорошей работѣ», магазинъ получилъ медалъ на Всероссийской Мануфактурной Выставкѣ 1870 года: 1) За корсетъ, болѣе употребительные для бѣловъ и швѣтовъ, изъ атласа и моревитина въ 18, 19 и 20 р.; изъ бѣлаго и сѣраго кутис-сантюр-режана, нарисуетъ съ азиатскими и дѣтскими съ застѣжками, отъ 5 до 10 р.; эластическіе корсеты для дамъ, находящихся въ особомъ положеніи, 9 и 10 р. 2) Нового фасона юбки съ шпигами въ нѣсколько рядовъ толстыми шпигами, между воланами, каленноворова корсетъ 7 и 8 р. и другого хорошаго покор—съ волан. корсетъ 5 р., длинна 6 р.,—изъ толстой нисей съ воланами, сзади, во всю длину, замѣняющій кринолинъ, корсетъ 7 р., длин. 8 и 9 р. 3) Нового фасона кринолины, нѣвѣщие вверхъ, сзади, нѣсколько пошургуемыхъ рядовъ стали, съ больш. волан. на пуговкахъ, удобные для чистки, которые граціозно держатъ триаъ платя, каленноворова 6 и 7 р., обыкновеннаго хорошаго фасона 5 р., изъ шерстяной въ матеріи 8 и 9 р. 4) Турниры: каленноворова 2 и 3 р., а воланские отъ 3 до 7 руб.

Гг. иногороднымъ при вышестъ корсета отъ 7 р. и д. магазинъ высылаетъ на свой счетъ, кромѣ: кринолина, на который прилагается особо 2 р., на два—3 р., на юбку 1 р., на 2 и 3 юб.—2 р., на турниръ 2 р., на 2 и 3 турн.—3 р. Для корсета высылается мѣрѣ изъ лифа платя или съ половиною корсета, съ передомомъ на вершинѣ въ писемъ: окружность талии, длина бюста (изъ подмышки до пояса) и ширина груди, или лифъ или половиною корсета, а для кринолина и корсетъ. Юбки: кругъ талии и сзади, съ корсетъ. платя, отъ талии и на вершокъ короче длины платя.

(227) 2—1

400 экземпляровъ начатыхъ канвовыхъ работъ продаются съ 5-го ноября 1870 года, и вновь заготавливаются постоянно.

Каждый экземпляръ содержитъ въ себѣ 2 работы: 1-я подушка, 2-я коверъ въ постели, начатый шерстью и шелкомъ, съ превосходными узорами и полнымъ матеріаломъ для окончанія этихъ работъ.

Цѣна за одинъ экземпль. въ С.-Петербургѣ безъ доставки 13 р.

» съ упаковкой и пересылкою по почтѣ	14 »
» одна подушка	5 »
» одинъ коверъ	2 »

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія въ С.-Петербургѣ, Почтамтская улица, домъ № 20, кв. № 23; а также ко всѣмъ книгопродавцамъ. (236)

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ, БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ представляет исторію—географію—путешествія—изящныя искусства—естественную исторію—технологію—промышленность—морское и военное искусство—политическія событія—войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ представляет собою

ВЕЛИКОЛѢПНЫЙ АЛЬБОМЪ

и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной; Иллюстрація необходима всѣмъ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ я заказалъ роскошныя

ПОКРЫШКИ для переплета.

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа.

Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к.; съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывки для переплетовъ, издатель „Всемирной Иллюстраціи“ проситъ обращаться со своими заказами по возможности заблаговременно.

Цѣна первыхъ 4 томовъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“:

1869 г., т. е. томы I и II вмѣстѣ, 12 р., съ пересылкою 13 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV вмѣстѣ — 12 р.; съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненые золотомъ, переплеты — 16 р., съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ „Всемирной Иллюстраціи“ за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, имѣются уже также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Главная Контора „Всемирной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой ул., домъ Ильина, № 16.

Издатель „Всемирной Иллюстраціи“ Германъ Гоппе.

(230).

О ПОДПИСКѢ НА 1871 ГОДЪ.

(III годъ, V и VI Тома).

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

въ родѣ „The Illustrated London News“, „The Graphic“, „Leipziger Illustrirte Zeitung“, „Illustration“, „Monde illustré“, „Univers illustré“.

Журналъ „Всемирная Иллюстрація“ выходитъ еженедѣльно, (т. е. 52 номера въ годъ), въ форматѣ большого двойнаго листа самой лучшей бумаги и каждый номеръ заключаетъ въ себѣ 16 страницъ, изъ которыхъ половина наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

ПРОГРАММА.

I. Политическій обзоръ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ. — II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись. — III. Научная славянскость. Повѣсти, разсказы, очерки, стихи, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. — IV. Наука и искусство. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыхъ въ нихъ описываются. Очерки изъ отечественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданий, картинъ, статуя и проч., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п. — V. Прикладная наука и промышленность. Новая и старая открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, костюмовъ и пр. — VI. Критика и библиографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ. — VII. Театральный и музыкальный обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцену изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ. — VIII. Смерть и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п. — IX. Фелетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, усвоеній и пр. — X. Юмористическій листокъ. Карикатуры. — XI. Шахматныя задачи, шарды, ребусы и т. п. — XII. Частныя объявленія.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ:

Везъ доставки въ С.-Петербургѣ. 12 р. — к. | Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 13 р. 50 к.
Везъ доставки въ Москвѣ. 13 „ 50 „ | Съ пересылкою въ другіе города 15 „ — „

Книгопродавецъ-издатель ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

Главная Контора Редакціи (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Ильина № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ въ д. Загряжскаго, А. Лапта, на Кузнецкомъ мосту, Г. Постъ, Г. Черенина и др.

(229).

Главная Контора Редакціи (ГЕРМАНА ГОППЕ) находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, въ д. Ильина, № 16.

Доведено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Ноября 1870 г.

Издатель Германъ Гоппе. — Редакторъ Ю. Померанцева.

Типографія А. М. Котлякова. Невск. просп. д. № 18.